

11.2.99.

Известия. - 1999 - 11 февр. - с. 7

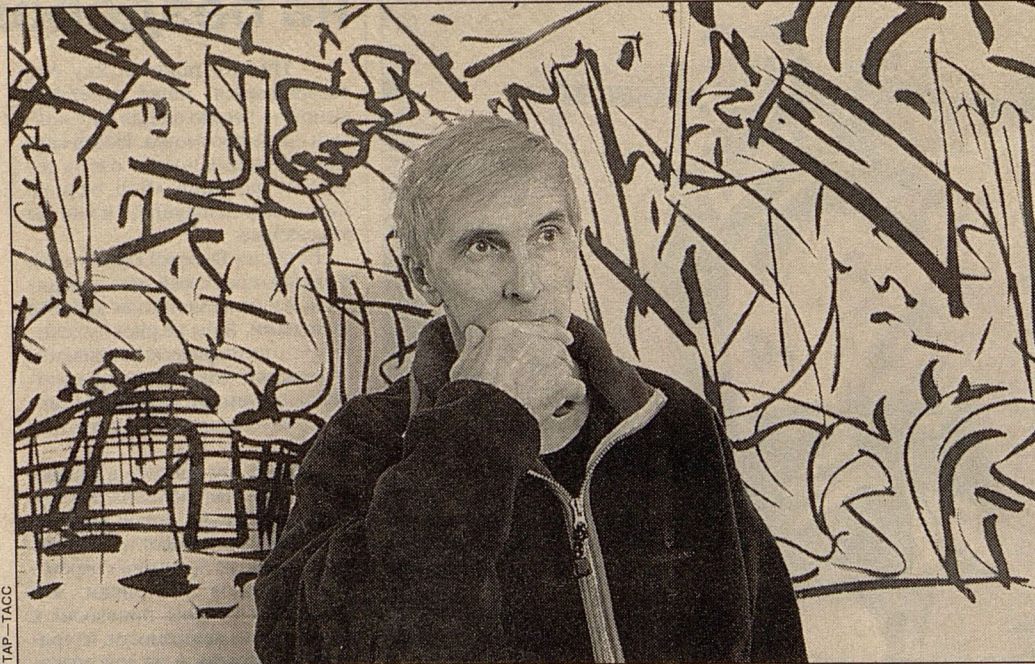
Жизнь трудна, искусство нежно

Выставка Олега Кудряшова в Третьяковской галерее

Ольга КАБАНОВА

Официальная часть вернисажа Олега Кудряшова томительно затянулась — художник долго и неспешно, совершенно не обращая внимания на гул подставшей публики, рассказывал, как четверть века назад приехал в Лондон, как раздражали его обитатели художнической колонии, где он жил, — сплошь леваки, проклинавшие буржуазное искусство и признающие только минимализм и концептуализм, как бедствовал («так легко оказаться на улице, и никто руку не протянет»), как однажды купил фотоаппарат (кинокамера была не по карману) и начал снимать не свой, но дивно красивый город, как сейчас, вернувшись в Москву, подошвами чувствует родную мостовую. Этот медленный перебор жизненных впечатлений, напрямую к выставке отношения не имеющих, уместных разве что в застолье, достигшем стадии запредельной душевности, выдавал почти маниакальную сосредоточенность Кудряшова на собственных переживаниях — особенность людей, до наивности искренних, много переживших, одиноких и отчаянно упрямых.

Гордый одиночка, самородок-самоучка, бедствующий, но не идущий на компромисс ни с советским художественным официозом, ни с расчётливой западной арт-модой, страстно верящий только собственным выстраданным представлениям об искусстве и завоевавший в конце концов признание, — таким и дол-

Олег Кудряшов на фоне «Пейзажа из окна»

жен быть настоящий художник в расхожем представлении. И этому романтическому образу Олег Кудряшов соответствует совершенно естественно. Родина одарила его тяжелой судьбой: бедное военное детство, трудный поиск собственного стиля, невозможность выставиться, сожжение работ перед эмиграцией. Чужбина тоже не приласкала: «1977. Год отчаяния для нас в Лондоне. Нечем топить, нечего есть и не на чем работать». Но судьба не

всегда определяет творчество, один и тот же результат можно получить жертвой жизнью, а можно трудом и постоянством.

Если смотреть выставку Кудряшова, забыв о его одержимости, то легко предположить, что автор — человек глубоко благополучный и холодно рассчитавший свое место в художественном процессе. Его искусство абсолютно комфортно. Художник выработал не уникальный, но своеобразный почерк, приятный

зрителю образованному, постоянному посетителю музеев и выставок. Работает Кудряшов в графике, предпочитает трудоемкую технику сухой иглы — рисунок сначала выцарапывается на металле, а потом с форм делаются отпечатки, и на листах остаются тонкие, изящные, иногда анемичные линии. В такой технике он делает не только нежные камерные гравюры, но и многометровые эпические композиции и рельефы — для этого требуются чу-

довишные физические усилия, никак в результате не заметные. Кажется, весь его творческий темперамент, нервность и страстность сгорают в процессе работы. Рисунок его гравюр почти абстрактный, но сохраняющий черты реальности: за гармонизированным хаосом линий угадываются очертания фигур (человеческих и геометрических) и пейзажей. Своей умеренной условностью он привлекает зрителя, ищущего не сильных, но приятных ощущений. Гравюры и рельефы Кудряшова вызывают множество культурных ассоциаций — больше всего с русским авангардом начала века и американским абстракционизмом конца 50-х годов. В этом видится результат незаурядной художественной образованности, но биографы замечают, что о Малевиче, Татлине и современном западном искусстве Олег Кудряшов имеет смутное представление.

В полной художественными предрассудками советской России и на эстетически свободном Западе Кудряшов чувствовал себя чужим по одной и той же причине — его искусство и там и здесь считалось буржуазным. И там и здесь это было плохо. «Я заранее знаю (как знал и в Москве), что вероятность показа этих работ исключена: тогда, в 60-е, — по идеологическим обстоятельствам, а здесь — по политическим обстоятельствам в культуре, что означает — по причине идеологии в искусстве. Главное обвинение с позиции идеологии, любой, — индивидуальность: ты должен быть в стаде — или в толпе, примкнуть к

западным хунвейбинам». Но именно буржуазность (отделанность, гармоничность, лиричность, декоративность, элегантность) графики Кудряшова обеспечила ему успех. Его работы есть почти во всех крупных западных музеях, он регулярно выставляется в уважаемых галереях. Семь лет назад прошла большая персональная выставка в ГМИИ имени Пушкина (Кудряшов, кажется, был первым современным русским художником, удостоившимся персоналки в этом консервативном музее), сейчас открылась ретроспектива в Третьяковке, которой он подарил большую коллекцию своих работ. Но при всем этом Кудряшов остается бедным, безымянным, нервным и трогательным, как подросток.

Есть такой специфический феномен судьбы скорее советского, чем русского человека. Ценой чрезвычайных усилий, жизненных мучений и неизбывного отчаяния он достигает совершенно нормальных (не уникальных) результатов. То, что другим дается систематическим образованием, прилежным трудом и размеренной жизнью, люди, рожденные в советской России, вынуждены брать перманентным штурмом, оголенным нервом и бесконечными стычками с повседневностью. Получается вечный бой за покой и стабильность. Вопреки бытующему мнению такая судьба — не залог настоящего искусства. Но и не враг ему. И, кажется, что прелесть графики Кудряшова именно в том, что нет в ней и следа надрыва.

Кудряшов Олег